

*Белла
Ахмадулина*

ФОТОГРАФИИ

50-е / 90-е годы

*Белла
Ахмадулина*

ФОТОГРАФИИ

50-е / 90-е годы

ПАН • КОРОНА-ПРИНТ
МОСКВА 1997

УДК 882

СОСТАВЛЕНИЕ
И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
Б.МЕССЕРЕРА
О.ГРУШНИКОВА

КОММЕНТАРИИ
О.ГРУШНИКОВА

ХУДОЖНИК
А.КОНОПЛЕВ

ФОТОГРАФИИ
ИЗ АРХИВА
Б.МЕССЕРЕРА

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
коммерческого инновационного банка
«АЛЬФА-БАНК»*

Бесхитростное это название предполагает некоторую вялую длительность. Возможный читатель и созерцатель и вовсе бы заскучал, если бы узнал, что человек, написавший эти слова, сидит, пригорюнившись, на кухне, опершись лбом о привычную конструкцию локтя и ладони, и озирает прожитую жизнь, полностью уместившуюся во вторую половину двадцатого века. Человек этот — я, но я смотрю на него вчуже, как на неподвижную фигуру любителя подлёдного лова где-нибудь на Финском заливе, — как знаком мне этот белесый пейзаж с вкрапленным в него силуэтом терпеливого рыбака. Но моя-то рука какой ищет добычи в неподатливой лунке лба? Картина становится унылой, но часы показывают полночь, это всегда волнует, к тому же — кончается год, иссякает столетье. Всё это напрямую касается моей жизни, её значения и отведённого ей срока, к чему она не может быть равнодушна: художественно жаль, что какое-то главное, последнее, ослепительное знание останется лишь её сведением, не подлежащим огласке. Размышлениями такого рода можно увеличить ночную кухню до торжественного возвышения, удобного для обзора.

Да было ль это обозримое время — разным, отличным от вообще времени, всегда имеющего драматический сюжет? В памятные нам и незапамятные времена человечество длило свой род, истребляло его, создавало шедевры, как бы должны искупить великие кровопролития и мелкие козни. Все современники своих дней вправе считать их наиболее знаменательными и жестокими, жизнь — драгоценной, смерть — непоправимой, других дней у них не было. И мы таковы же. Эти простые рассуждения слишком громоздки

для кухни, попробую обойтись её мелкими, для меня удовлетворительными, историческими обстоятельствами.

(В своевольных скобках замечу, что имею пристальное и нежное пристрастие к фотографиям давно прошедшего времени: конца прошлого и начала этого века в России. Волнуют и возбуждают воображение лица и облики на чудом уцелевших старинных снимках: дамы и господа, торговцы, разносчики, мальчишка. обернувшийся на диковинку аппарата, собаки с ярким предзнающим взором. Или вот, жильцы при переезде обронили или выбросили изображение девочки в кисейном платье, с влажными ландышами в руках, — живо, доверчиво смотрит она в окуляр и в счастье будущего времени, которое, скорее всего, окажется ужасным. На всех этих потускневших картонах, помеченных вензелем, присутствие рока кажется очевидным и заглавным, уже готовым гибельно застать врасплох их беззащитность.)

Одной из важных примет начала шестидесятых годов считаются выступления поэтов, привлекавшие неисчислимое множество публики, многие люди и теперь по ним скучают, я — нет. Лишь последующие замкнутые уединения были для меня трудно-отрадны и плодотворны. Не общее — таинственное, пространное, непроглядно-бледное — лицо зала, а чудные, доверчивые, как у той девочки с ландышами, лица остались мне на память о том времени, смысл, вкратце, сводится к тому, чтобы провиниться перед ними как можно меньше.

Мастерская Бориса Мессерера, объединяющая сводами многие действующие лица, сама как бы является действующим лицом: её благодатное пространство имеет независимую одухотворённую плоть, весьма важную для меня, да и для значительной части художественной Москвы. Я всегда благодарю её стены и населяющие её предметы, побуждающие к дружеству и чистым помыслам.

В этих стенах, при множестве любящих и печальных участников, в декабре 1980 года происходили проводы Владимира Войновича, покидавшего Москву против его непреклонной воли. На следующий день нам предстояло прощаться на аэродроме. Когда ночью он и Ирина уходили

от нас, я, с вершины нашего этажа, бросила на них охапку цветов: „Войнович! Твой путь уже осыпан розами, то ли будет!” Осведомители, зябнувшие внизу, не раз смогут убедиться, что я не зря бросала слова на ветер: например, вскоре, когда Войновичу будут вручать премию „Триумф”, при моём триумфальном ликовании.

1980 год был щедр на бедствия и утраты. Шла война в Афганистане. Её тень и поныне живо стоит меж нами и светом небосвода. Другие войны продолжаются и затеваются ей вослед. Недавно услышала я, что некая учёная мысль подсчитала: в истории человечества было несколько десятилетий, когда оно не воевало меж собою, с собою. Возможно ли? где, когда, с кем это было? Думать об этом — всё равно, что смотреть, как я сейчас смотрю, на поздравительную рождественскую открытку: маленький островерхий городок, осыпанный тёплым праздничным снегом. Чтобы стало совсем хорошо, нарисованы дополнительные снежинки, падающие на крыши, мансарды, на шпиль церкви с крестом, опекающий беспечную округу, ёлки на улицах и балконах, быстрых прохожих с подарочными свёртками, разноцветные капюшоны детей. Затесаться бы на мгновение в картинку, из серии: „For the well-being of the world's children”. „Для всемирного благоденствия детей”? — звучит трезвее, недоступней, возвращает на место, на кухню, где не я гощу в милом рисунке, а он во мне, в крае глаза. Мы с Борисом и наяву видели подобные городки, но тоже не выходило затесаться в них, как в открытку.

В январе 1980 года, после долгого перерыва (перед очень долгим перерывом), мне негласно позволили выступать в провинции — уловками доброжелательных и не бескорыстных умельцев. До этого любые заработки были возбранены всем участникам альманаха „МетрОполь” — дорогим для меня завсегдатаям мастерской, души и этого альбома. Я оказалась в Алма-Ате, в Алма-Аты, как говорят в Алма-Аты. Там я впервые увидела цинковые гробы, война вплотную подступала к сердцу. Однажды я выступала перед приветливой воинской частью, все мне рассеянно улыбались, никто меня не слушал: офицеры были серьёзны и напряжены, солдаты — отчаянно возбуждены и веселы. Я

спросила светлого синеглазого мальчика: откуда родом? „Новгородские мы, — ответил он смеясь, — два месяца осталось служить”. Воротничок его был расстёгнут, бляха ремня сбилась на худенькое бедро. Он радостно прошептал мне в ухо: „Нам всем вина дали — вдосталь, ночью куда-то переводят, но говорить об этом нельзя, не велено”. Я обняла его, слёзы крупно лились, падали на его разгорячённое лицо. (Нечаянно покосилась на чужеземную картинку, на снежинки, тающие на румянцах детей.) Шёл снег, снежки летали, кто-то начал и бросил строить снежную бабу. Мальчик утешал меня, с удивлением, но уже и с тайной тревогой: „Что это вы, не надо, это — долг, это — за родину”. — „Новгород твоя родина, дай-то Бог тебе её увидеть”. Меня окликнули — мягко, без осуждения, — я вернулась в помещение. Солдатам приказали снять шапки и шинели, было мрачно холодно, все они тяжело кашляли, заглушая ладонями рты и бронхи. Я тоже сняла шапку и пальто, мелким и жалким помнится мне этот жест единения с теми, кого впрямую из своих разомкнутых рук отпускала я на погибель. Много позже, в Ферапонтово, я и Борис видели похороны вологодского мальчика Жени. Мать его, беспамятно стоя над непроницаемым, одетым в кумач, гробом, издавала недрами муки ровный непрерывный звук крика. Её одёрнули: „Мамаша, обождите убиваться, военком будет говорить”. Мать умолкла. Военком с хладнокровным пафосом говорил о покойном, что он — герой и погиб за родину. „Вон она — Женькина родина”, — сказал подвыпивший мужичок, указав рукавом на кротко мерцающее озеро, на малую деревеньку на берегу, скорбные это и дивные места. „Тише ты”, — цыкнула на мужика жена, опасливо поглядывая на нас, чужаков, и на милицию, во множестве надзирающую за бедной церемонией. Через год я с трудом нашла на окраине кладбища заросший безымянный холмик, видно, и жизнь матери иссякла вместе с жизнью сына, некому было присмотреть за могилкой.

Тогда — из лютого горя зимы состоял воздух Алма-Аты и особенные нежность и близость съединяли меня со слушателями. Во время одного выступления во всей округе погас свет и так и не возжётся. Никогда мне не приходи-

лось читать так долго — в совершенной темноте и тишине, в совершенной любви и благодарности к человечеству, чьё присутствие предполагалось в непроглядном зале и повсюду. Зал помещался на третьем этаже. По истечении третьего часа все мы, оберегая друг друга, спустились по лестницам, никто никого не толкнул, на вешалке ничто не пропало. Когда мы вышли в снег улицы, огромная луна, словно преднамеренно, появилась из-за туч и мы, наконец, увидели друг друга. Все лица показались мне прекрасны. Луне принадлежит этот несуществующий снимок, но и зрению моему ярко откликается, если позвать и прикрыть глаза. Он — из лучших в обширной и беспорядочной коллекции.

Мы с Борисом каждый день говорили по телефону. Осторожными иносказаниями он, с жалостью ко мне, оповещал меня о новых бедствиях. Сведения о них с опозданием достигали Алма-Аты. Сахаров был выслан в Горький. Еще одну, последнюю, весть Борис не мог выговорить. Я вылетела в Москву. Умер Станислав Нейгауз, Стасик. Его хрупкость, словно призывающая страдание, всегда держала меня в напряжении — не только в консерватории, когда, потупившись сединой и всем стройным силуэтом, шёл по сцене к роялю, будто одолевая уязвимой прозрачной плотью невидимые, ранящие препоны и заросли воздуха, и потом, сквозь те же сопротивляющиеся острия, возносил и задерживал руки над клавишами, над мучительным началом звука. Не только в консерватории — всегда, как в консерватории, при частых встречах с ним и в его отсутствие, тревога стояла в нервах, обращенных к нему. Чуждые мне знатоки считали его способ исполнения не мощным, не победоносным, мне только это и надобно было. Я воспринимала его не исполнителем, а изъяснителем музыки, схожим с ней и равным ей. Он целомудренно знал тайну и не приглашал в неё стороннее любопытство. И вот теперь окончательный смысл этой тревоги, этой музыки — сбылся.

В том же январе мне не надолго, но до полного счастливого вздоха, полегчало, когда я, как умела, вступилась за Сахарова и сразу же — за Копелева, и за себя, конечно, за омрачённую, но не покинувшую меня совесть.

Весною стало ясно, что вынужденный отъезд Аксёно-

ва и Майи — предрешён, мы почти не расставались, на это и ушла весна, даже черёмухи не помню, Аксёновы уехали в начале июня, мы думали, что прощаемся навсегда, оказалось — на семь лет.

25 июля умер Высоцкий, его смерть стала явной и непоправимой убылью общей и моей жизни.

Умер Тышлер. Я люблю театрики, кораблики, ярмарки на головах его персонажей. Шутя я говорила Александру Григорьевичу, что сама из них и держу на голове некое зыбкое построение, прораствание измышлений. Я покачивала, потряхивала головой — не было у неё вдохновений и завихрений.

Предотъездные обстоятельства Войновичей были крайне напряжены и опасны.

29 декабря умерла Надежда Яковлевна Мандельштам. Я описывала её похороны в письме к Аксёнову: стройная, скорбная процессия двигалась по Ново-Кунцевскому кладбищу, со свечами и песнопениями. Когда гроб опускали в могилу, в ясном зимнем (второго января) небе грянул гром.

Борис, он был болен, и я вдвоём в мастерской не встречали новый, 1981, год, но некоторые утешители, во главе с Татьяной Лавровой, нас неожиданно провели.

Георгий Владимов подлежал мрачному преследованию, на него было заведено дело, шло следствие. Мы постоянно навещали его и Наталью, иногда возвращались последним поездом метро, в пустом вагоне соглядатаи откровенно садились вплотную рядом, это почему-то смешило. Подслушивающие и подсматривающие устройства исправно трудились. В уме как-то смеркалось, но его здравость утешала неусыпная сосредоточенная мысль о Владимовых, о попытке им помочь. („Нижайше, как подобает просителю, прошу Вас...” — писала я Ю.В.Андропову.)

В феврале мы были на свадьбе Евгения Попова и Светланы Васильевой, эта радость длится и теперь нашими дружбой и соседством.

Потом я уехала в Тарусу — и медленно очнулась душа, дивясь белому свету, белому снегу. Помню, как наш, тогда молодой, пудель был потрясён, впервые увидев лошадь: любимый и воспетый белый конь Мальчик выступил из

конюшни. Пёс пал на передние лапы перед величием незнаемого явления, конь же явно усмехался, но не стал шутить и нагонять пущего страха, чуждая была картина. Так и я, словно в первый раз, смотрела на Оку подо льдом, на поля, окаймлённые лесом, и пространство милостиво взирало на меня — прощая и спасая для жизни.

Многие лица в собрании фотографий — знамениты, знаменательны, ненаглядно блистательны, не однажды воспиты и сами прекрасно живут, им не нужны мои пояснения и признания. Многие — случайно не участвуют, Александр Кушнер, например. А ведь он когда-то приобрёл фотоаппарат, и мы целый месяц прилежно снимались в Пицунде на фоне моря, пальм и гипсовых ваз и изваяний. Замечательно и таинственно из этого ничего не получилось. Пришлось нам подарить ему на день рождения плюшевый альбом и вложить в него наши моментальные фото. А море, пальмы и другие красоты Боря пририсовал.

Но вот Булат Окуджава (он строг и не позволит лишних объяснений). Андрей Битов (он драгоценен и скромно это знает). Фазиль Искандер (он и сам всё знает). Веничка Ерофеев. Сергей Параджанов. Юрий Любимов. Давид Самойлов. Отар Иоселиани, Михаил Жванецкий. Андрей Тарковский. Марлен Хуциев. Чабуга Амиреджиби. Участники „МетрОполя”.

Одно перечисление имён составляет роман, он в начале, но и в разгаре, писать его легко и увлекательно. Но та ночь кончилась. Тот год кончился. Эта ночь кончается: шесть часов утра.

Упомянутые или помнимые, близкие или незнакомые, многие и разные люди составили, упрочили и сохранили содержание моей жизни. Это они украсили и оправдали своим участием разное время общего времени, незаметно ставшего эпохой. Послушаюсь Булата, сосредоточусь на маленьком, как его оркестрик, посвящении любви и признательности и пошлю его в их сторону, во все их стороны.

Январь 1997

На встрече с читателями (Москва, 1962 г.)

С А.Вознесенским, М.Светловым, М.Хуциевым на съемках фильма „Застава Ильича” (Москва, Политехнический музей, 1960 г.)

С М.Хуциевым (Москва, Политехнический музей, 1960 г.)

С А.Вознесенским на вечере поэзии
(Москва, Политехнический музей)

С Л.Куравлевым и В.Шукшиным на
съемках фильма „Живет такой парень“
(Москва, 1964 г.)

На вечере П.Антокольского (Москва,
Центральный дом литераторов)

На вечере П.Антокольского (Москва,
Центральный дом литераторов)

С В.Катаевым (Перedelкино)

С Д.Самойловым

С Б.Окуджавой

С В.Аксеновым

С А.Ивановым, О.Иоселиани, Б.Мессером, Л.Месхишвили (Гагра) С Н.Думбадзе (Тбилиси)

С.Г.Бёллем (Москва)

С.В.Аксеновым (Красная Пахра)

С. Д. Чарквиани, Н. Думбадзе, Ч. Амиев, Г. Раджиби (Тбилиси, Парк Победы) В гостях у С. Параджанова (Тбилиси)

С А.Битовым и Ф.Искандером (Москва, ресторан ВТО, прием по случаю открытия выставки Б.Мессерера) С А.Каландадзе (Тбилиси)

В гостях у Н.Я.Мандельштам (Москва,
1980 г.)

С А.И.Цветаевой (Москва, мастерская
Б.Мессерера)

На вечере А.И.Цветаевой (Москва,
Литературный музей)

С Б.Мессерером в Тарусе

С.А.Судакевич, Ф.Я.Сыркиной, А.Г.Тыш-
лером, В.Б.Элькониным, Н.М.Элькини-
ной, Б.Мессерером (Москва, мастерская
Б.Мессерера)

С В.Катаняном, семьей Ю.Любимова, А.Тарковским, И.Кассиль, Т.Калатозовым, С.Параджановым, Б.Мессерером, (Москва, ресторан „Баку”)

Ч.Амирэджиби, Ф.Искандер, Г.Хелем-
ская, Г.Горин, И.Былинкин, Т.Кваша,
Г.Гинзбург, А.Мессерер, М.Былинкин,
С.Богословский, М.Жванецкий, Е.По-
пов, В.Ерофеев, Л.Завальнюк, А.Серуш,
В.Войнович, З.Церетели, Л.Окаёмова
А.Смирнов, Л.Горина, Л.Смирнова,

М.Аксёнова, А.Вознесенский, А.Балчев,
А.Искандер, В.Аксёнов, Б.Ахмадулина,
М.Рощин, З.Богуславская, Н.Попов,
В.Ерофеева, А.Битов, А.Голяховская,
Б.Мессерер, В.Краснопольская, М.Кляч-
ко, Н.Августинович, С.Гинельт (Москва,
мастерская Б.Мессерера)

Авторы альманаха „МетрОполь” Е. Попов, В.Ерофеев, Б.Ахмадулина, А.Вознесенский, Б.Мессерер, Ф.Искандер,

А.Битов, В.Аксёнов, М.Аксёнова (Москва, мастерская Б.Мессерера)

И.Бортник, Т.Гуэрра, Л.Гуэрра, Б.Мессерер, Ю.Любимов, В.Высоцкий, Б.Ахмадулина, М.Антониони, А.Вознесенский, И.Кассиль, И.Былинкин (Москва, мастерская Б.Мессерера, декабрь 1975 г.)

С М.Аксеновой, В.Аксеновым, Б.Мессером (Переделкино)

С.О.Далем, В.Никулиным, Б.Мессерером
на похоронах В.Высоцкого (Москва)

На открытии выставки Б.Мессерера
(Тбилиси, Дом художника, декабрь 1984г.)

В Доме-музее А.С.Пушкина на Мойке
(Санкт-Петербург)

В гостях у Г.Владимова (Москва)

С.А.Битовым (Перedelкино)

С.Н.Владимовой, А.Битовым, Л.Хмельницкой, И.Лиснянской, С.Липкиным, Г.Владимовым, Б.Мессерером (Перedelкино)

С.А.Тоддом, Б.Мессерером, К.Воннегутом
(Нью-Йорк)

Со С.Нейгаузом и Б.Мессерером (Москва,
мастерская Б.Мессерера)

В гостях у А.Миллера (Коннектикут, США) В гостях у С.Липкина (Перedelкино)

С В.Аксеновым (Нью-Йорк, 1987 г.)

С А.Вознесенским на вечере поэзии
(Москва, Центральный дом литераторов)

В китайском ресторане (Нью-Йорк)

С Б.Мессерером (Москва, мастерская
Б.Мессерера)

В гостях у М.Шемякина (Нью-Йорк)

С М.Плисецкой на презентации ее книги
(Москва, Дом ученых)

С. Б. Мессерером (Санкт-Петербург, С. М. Плисецкой
Прачечный мост)

В Болгарии

В Репино

В Ялте

В Нью-Йорке

Выступление на открытии выставки
„Художники театра и кино” (Москва, Дом
художника на Кузнецком мосту)

На открытии выставки „Поварская, 20”
(Санкт-Петербург, Русский музей, 23 ноября 1994 г.)

Проводы В.Войновича (Москва, мастер-
ская Б.Мессерера, декабрь 1980 г.)

С. Б. Чичибабин на вечере поэзии
(Москва, киноконцертный зал „Октябрь”,
12 ноября 1994 г.)

Белла Ахатовна Ахмадулина

ФОТОГРАФИИ · 60 - е / 90 - е г о д ы

Составители

Б.А.Мессерер, О.П.Грушников

Редактор В.И.Цветков

Художник А.Б.Коноплев

Корректор В.С.Антонова

ЛР №064604 от 22.05.96

ISBN5 — 901040 — 04 — X

ЛР №060019 от 15.11.96

Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная

Гарнитура NewBaskervilleC (ParaType)

Печ. л. 4,5

Тираж 5000. Заказ №5241

ООО «Издательство ПАН»

117321 Москва, а/я 76

ТОО «Корона-Принт»

125284 Москва,

Хорошевское шоссе, 2/1, стр.2

Отпечатано с оригинал-макета

в ордена Трудового Красного Знамени

ГУПП «Детская книга»

127018 Москва, Суцевский вал, 49

